

О. Л. Фетисенко

**ПИСЬМО БЕЗ ОТВЕТА:
Н. С. СОХАНСКАЯ (КОХАНОВСКАЯ)
И ЕЕ ВОЗРАЖЕНИЕ НА «ИСПОВЕДЬ»
ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО**

Н. С. Соханская (литературный псевдоним — Кохановская) — писательница, близкая кругу славянофилов, автор первого по времени развернутого возражения на «Исповедь» Л. Н. Толстого, предназначавшегося сначала лишь самому графу, но в итоге опубликованного как открытое письмо. История создания этого текста, тщетного ожидания ответа от Толстого и полемики с газетой «Новое время», выступившей в защиту автора «Исповеди», составляет предмет этой статьи.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, «Исповедь», религиозно-философские трактаты, Н. С. Соханская (Кохановская), В. П. Буренин, кн. В. П. Мещерский, полемика, христианская апологетика, славянофильство.

Понятие «самиздат» как нельзя лучше подходит к той стремительности, с которой в 1880-е годы распространялись во множестве списков и литографированных изданий так называемые религиозно-философские произведения гр. Л. Н. Толстого, ряд которых был открыт его знаменитой «Исповедью». Напомню, что первоначально была предпринята попытка опубликовать ее в московском журнале «Русская мысль». Весной 1882 года редактор этого журнала С. А. Юрьев пытался заручиться помощью бывшего цензора, а ныне издателя газеты «Современные известия» Н. П. Гилярова-Платонова — просил его написать к толстовской книге предисловие, которое бы сделало ее, как выразились бы в XX веке, «проходной»¹, но тот ответил, что ему даже «дочитать» «Исповедь» было тяжело:

«Духовная гордость сквозит в каждой строке, не говоря о том, что ею только может быть объяснено появление исповеди в целом. „Посмотрите, вот я каков и вот что со мной было“, причем подразумевается, что я-то и умнее всех, и лучше всех. Нужды нет, что исповедующий говорит о своих грехах и ошибках: вслушайтесь в тон, каким то и другое говорится.

Ольга Леонидовна Фетисенко — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (betsy98@mail.ru).

¹ См.: Эфрон С. К. Н. П. Гиляров-Платонов и Л. Н. Толстой // Русский листок. 1902. № 281.

После того какая же возможность и какой смысл входить в логическую оценку положительного содержания умствований, рассыпанных по исповеди? Ни одно из них не выдерживает логического прикосновения, не то что разбора. <...> не будь подписано под нею: „Лев Толстой“, ничего, кроме глумления, ничего, кроме наименования бредом, не вызвала бы она у человека, привыкшего к строгому мышлению»².

Та же тема «самости», непомерной гордости толстовской «Исповеди» дала поэту и дипломату М. А. Хитрово почву для его отклика в жанре философской эпиграммы:

Там, в небесах, написан он, там где-то
Ответ на все вопросы бытия, —
Я не могу прочесть того ответа;
Мешает тень. И эта тень — моя.
И я хочу подняться над землю,
Чтоб через тень ответ тот прочитать;
Но эта тень растет, растет со мною,
И я к земле, к земле спешу опять.
Чтоб малым быть — бросаюсь на колени...
Но это все напрасно, — оттого,
Что лишь тогда не будет этой тени,
Когда меня не будет самого!³

Бросается в глаза несколько запоздалая реакция деятелей Церкви на широко распространявшиеся в списках «Исповедь», «Соединенные Евангелия» и другие новейшие творения Толстого. Она может быть объяснима растерянностью, но, главным образом, — тем, что не принято было возражать в печати на неизданные произведения. В русской церковной периодике лишь в самом конце 1883 года появляются глухие упоминания о неких «новых верованиях» Толстого. Так, «Московские церковные ведомости», не вдаваясь в подробности и не приводя название ни одного из произведений, ходящих в рукописях, осудили «духовную незрелость нашего образованного общества», проявляющего интерес к «исповеданию веры» известного романиста⁴.

² *Гиляров-Платонов Н. П.* Письмо к С. А. Юрьеву <об исповеди графа Л. Н. Толстого> (апрель 1882 г.) // Никита Петрович Гиляров-Платонов: Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии. СПб., 2013. С. 644–645.

³ Русь. 1885. 24 авг. № 8. С. 11; эпиграмма вошла в посмертно изданный том стихов Хитрово — в несколько другой редакции и под названием «По поводу исповеди гр. Л. Н. Толстого» (*Хитрово М. А.* Стихотворения. СПб., 1896. С. 134).

⁴ Об этой статье и о полемическом отзыве на нее в «Новом времени» см.: Мнения печати по церковным вопросам // Церковный вестник. 1883. 17 дек. № 51. С. 2.

Голос пастырей (таких, как епископ Никанор (Бровкович) — позднее один из главных обличителей Толстого с церковной кафедры) был предварен выступлениями мирян⁵. И самый обстоятельный богословский разбор «Исповеди», хоть и появился в церковном издании, тоже принадлежит лицу не духовного сана — харьковскому профессору-канонисту М. А. Остроумову⁶. Но и это тоже очень поздний отзыв, вызвавший рецепцию лишь после выхода отдельного издания полемического труда — в 1887 году⁷. Одно же из наиболее ранних возражений на «Исповедь», сначала, как и сам предмет полемики, бытовавшее лишь в списках (правда, весьма немногочисленных), тоже принадлежит мирянке — Надежде Степановне Соханской (1823–1884), вошедшей в литературу в конце 1840-х годов, а с 1856 года печатавшейся под псевдонимом «Кохановская», образованным от родовой фамилии ее матери⁸.

Родилась она на хуторе Веселый в Корочанском уезде Курской (сейчас Белгородской) губернии в смешанной малорусско-польско-русской дворянской семье, вся ее жизнь прошла в так называемой Слободской Украине, в Харьковской губернии. Ее часто называли «макаровской отшельницей» — по названию маленького хутора Макаровка, где она почти безвыездно жила и где скончалась 3 декабря 1884 года. Первые повести выпускницы Харьковского института благородных девиц отличались

⁵ Прежде всего нужно вспомнить брошюру К. Н. Леонтьева «Наши новые христиане» (М., 1882), в предисловии к которой впервые говорится о «розовом христианстве». (Кстати, вошедшая в брошюру статья о Толстом при первой публикации в «Гражданине» была подписана характерным псевдонимом «Православный мирянин».) С «Исповедью» Леонтьев познакомился, вероятно, в том же 1882 г. Ведь он был цензором Московского цензурного комитета и отлично знал историю с несостоявшейся публикацией в «Русской мысли». «Теперешней тени» «настоящего Льва Толстого» Леонтьев посвятит глубокие строки в позднейшем (1887) цикле «Записки отшельника» (*Леонтьев К. Н.* Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. СПб., 2007. Т. 8. Кн. 1. С. 305–308). Из ранних откликов неподцензурной печати назовем две брошюры: *Юсупов Н. П.* Нечто об «Исповеди» и истолковании Евангелия графа Л. Толстого. Берлин, 1883; *Алисов П. Ф.* Евангелие, очищенное на вынос (Исповедь Л. Толстого). Женева, 1885.

⁶ *Остроумов М. А.* Наши «новые философы и богословы». Граф Л. Н. Толстой // Вера и разум. 1885. Окт. Кн. 2. С. 538–553; Ноябрь. Кн. 1. С. 607–624; Кн. 2. С. 672–693; Дек. Кн. 1. С. 742–787; 1886. № 22. Ноябрь. Кн. 2. С. 578–610; № 23. Дек. Кн. 1. С. 611–646; 1887. № 1 (отд. изд.: *Остроумов М. А.* Граф Лев Николаевич Толстой. Харьков, 1887).

⁷ См., например: *Кр. [Кристи И. И.]* Литературное обозрение // Гражданин. 1887. 15 окт. № 15. С. 3; 22 окт. № 22. С. 3; 29 окт. № 29. С. 3.

⁸ Об истории рода Кохановских — Кохановских-Лохвицких, а затем просто Лохвицких, писательница рассказывает в хронике «Старина» (1862). О Кохановской см.: *Платонова Н. Н.* Кохановская (Н. С. Соханская): Биогр. очерк. СПб., 1909.

от общего литературного потока разве что самобытно-ярким языком и остались совершенно незамеченными. В судьбе писательницы конец 1840-х — первая половина 1850-х годов важны не столько собственно литературной работой, сколько эпистолярным знакомством с П. А. Плетневым и ученичеством у него. Именно по просьбе Плетнева Соханская написала свою «Автобиографию», в настоящее время — самое известное из ее произведений (издано оно было впервые уже после смерти автора)⁹.

Триумфальным был вход Кохановской в большую литературу в 1858 году — с повестью «После обеда в гостях»¹⁰. Теперь самые влиятельные журналы наперебой предлагают ей свои страницы, но писательница отвечает на дружеское приглашение И. С. Аксакова примкнуть к кругу московских славянофилов¹¹, которые встретили в ее последних произведениях отклик своим ожиданиям. Братья Аксаковы, А. С. Хомяков, Н. П. Гиляров-Платонов увидели в Кохановской писателя, родственного по духу С. Т. Аксакову, носителя «положительного» отношения к жизни. Именно в этом кругу Кохановская могла реализовать свое понимание писательства как высокого христианского служения. Надежда Степановна становится сотрудницей «Русской беседы», а затем и газет, издаваемых И. Аксаковым (от «Дня» до «Руси»). В 1863 году именно Аксаков выпустил два небольших томика ее повестей, большая часть которых до сих пор, к сожалению, не переиздана.

Весьма популярная на рубеже 1850–1860-х годов, в годы «великих реформ» Кохановская постепенно теряет массового читателя. Слишком уж «против течения» и любование стариной, и христианская ориентированность повествователя (то, что критики будут называть «тенденциозностью»). В некрологе, написанном Аксаковым, говорилось именно об этом: «Слишком ярка лежит на произведениях <Кохановской> печать

⁹ Кохановская (Соханская Н. С.). Автобиография // Русское обозрение. 1896. Июнь-дек.

¹⁰ Русский вестник. 1858. Авг. Кн. 2. С. 639–696. На ее появление в печати отозвались представители самых разных литературных лагерей — от К. С. Аксакова и Б. Н. Алмазова до Д. И. Писарева. Прочитав следующую повесть Кохановской, М. Н. Катков написал ей: «Или я ничего не понимаю, или вашему таланту предстоит широкая будущность» (Письма к Н. С. Соханской (Кохановской) М. Н. Каткова // Русское обозрение. 1897. Февр. С. 1026).

¹¹ См.: Переписка Аксаковых с Н. С. Соханской // Русское обозрение. 1897. Февр.-дек. В настоящее время подготовлено к печати научное издание этой переписки, значительно дополненное по сравнению с первой публикацией: Кохановская (Н. С. Соханская) и семья Аксаковых. Переписка (1858–1884) / изд. подгот. О. Л. Фетисенко. СПб., 2016 (в печати).

русской народности в смысле бытовой и религиозной ценности, слишком живо присущ им именно тот дух жизни, который так мало понятен и сочувствен современному русскому „культурному“ человеку; слишком мужественны для слабосильной, размякшей волею, обабившейся русской общественной среды... Но достоинство сочинений Кохановской не преходящее. Внутренняя сила их возьмет свое и устареть не может»¹².

В 1880-е годы Кохановская уже почти не печаталась; много сил отнимало хозяйство в ее степном уголке, одолевали тяжелые болезни. Лишь в 1881 году она поместила в «Руси» несколько корреспонденций, откликаясь на трагическое событие 1 марта и другие современные проблемы. Тем неожиданней было появление Великим постом 1884 году ее «Письма к графу Толстому по поводу его „Исповеди“»¹³.

Из личной переписки мы узнаём, что с «Исповедью» писательница познакомилась в конце лета 1882 года, гостя в имении Каменка у своих друзей Вальховских — Малиновских — Носовых (ее приятельницей была М. В. Вальховская, вдова декабриста, дочь известного директора Царско-сельского лицея и сестра пушкинского однокашника). Одна из племянниц Вальховской, С. И. Штакеншнейдер (она была замужем за сыном знаменитого петербургского архитектора А. И. Штакеншнейдера) привезла из столицы модную новинку — «Исповедь», которая, видимо, глубоко потрясла всех жителей и гостей Каменки, но больше всех именно Надежду Степановну. И ее реакция будет не женски-сентиментальной (хотя из ее «Письма к графу...» мы узнаём, что она плакала, читая известную сцену — циничный рассказ Толстого о его кошунственном причащении¹⁴), а христиански твердой — реакцией воина. Отсюда соответствующая образность в одном из писем к Вальховской: «...могу ли я, владею ли я мечом духовным, чтобы выйти и сражаться за Божье дело? Господь поможет! Но молчать было бы малодушие и наша обычная леность...»¹⁵.

Сначала она не собиралась печатать свой ответ Толстому, хотела поступить по-евангельски: сперва обличить наедине, потом при двух-трех

¹² [Аксаков И. С. Н. С. Сохановская. Некролог] // Русь. 1884. 15 дек. № 24. С. 13.

¹³ Гражданин. 1884. 19 февр. № 8. С. 7–12; 26 февр. № 9. С. 5–9; 4 марта. № 10. С. 4–9; 11 марта. № 11. С. 6–10. Поскольку спрос на номера с этой статьей был велик, она была отпечатана отдельной брошюрой и переиздана: Русское обозрение. 1898. Янв. С. 5–57.

¹⁴ Русское обозрение. 1898. Янв. С. 29.

¹⁵ Из писем Н. С. Соханской (Кохановской) к М. В. Вальховской // Русский архив. 1900. № 1. С. 129 (Далее сокращенно — РА, с указанием страницы).

свидетелях, потом — в слух всей Церкви¹⁶. Ей важна была не «публичность», но исполнение долга, как она его понимала: нужно поскорей воздействовать на *душу* Толстого, молиться о нем, как молятся о заблудших¹⁷. Она решает обратиться к автору «Исповеди» частным письмом, пользуясь давним, пусть и поверхностным, личным с ним знакомством, восходящим к 1862 году, когда Соханская впервые приехала в Москву и в Петербург.

Любопытны их отзывы друг о друге. Толстой, в 1858 году восхищавшийся повестью «После обеда в гостях» (что известно по пересказу Тургенева в письме к А. В. Дружинину)¹⁸, в письме к тому же Дружинину в следующем году дал неудобный для цитирования отзыв о следующей повести («Из провинциальной галереи портретов»)¹⁹, потом вовсе потерял интерес к писательнице, а познакомившись с Кохановской у А. Ф. Тютчевой, отозвался в дневнике о ней, как об одной из «стерв», засохших «в кринолине»²⁰.

Кохановская более любезна и тепла, хотя и иронична в эпистолярном отзыве о знаменитом писателе и его уме парадоксалиста:

«Вы спрашиваете меня о Яснополянском графе? Довольно высокий, тонкий, с довольно неправильными чертами лица, с черными обильными волосами; глаз не рассмотреть при матовом освещении лампы. Ум хорошо виден. Свой собственный, *сиятельный* парадоксальными мыслями — „мужицкими“, как резко отметила Анна Федоровна <Тютчева>; но я, вообще не жалуемая резких отметок, не вовсе согласна с тем, хотя доля правды есть и очень есть в насильственном желании графа стать мужиком и еще русским *de pure nature*»²¹.

Услышав на том же вечере от графа, что высший идеал и счастье в его понимании — «жениться на крестьянке», она немедленно реагирует:

¹⁶ Ср. в письме к Вальховской от 3 января 1883 г.: «...я с месяц подожду, не оглашая: как будет „принято“, ответит ли? или не ответит?» (РА. С. 134).

¹⁷ Сообщив в письме к Вальховской от 5 марта 1883 г., что рукопись уже отправилась к Толстому, Соханская продолжает: «Как она повлияет ли на его душу? Это Господу ведомо. Я молюсь за всех заблудших молитвою отца Серафима Саровского: „Буди пастырем заблудших, вождем и светом неверующих, наставником немудрых“ и проч. Помолитесь и вы о нем. Апостол Павел говорит, что человек может садить, поливать, а возвращает один Он, Господь всяческих» (Там же. С. 136).

¹⁸ Письма к А. В. Дружинину (1850–1863). М., 1948. С. 330 (письмо от 10 октября 1858 г.).

¹⁹ См.: Там же. С. 307.

²⁰ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М., 1952. Т. 48. С. 41 (запись от 31 августа 1862 г.).

²¹ Стопроцентным, настоящим (*фр.*). Письмо к А. В. Плетневой от 29 октября 1862 г. // ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 162. Л. 82 об. – 83.

«В таком случае ваши жизненные идеалы не трудно достижимы...»; и вскоре, услышав от И. С. Аксакова о том, что граф женится «на дочери какого-то немца доктора»²², иронизирует в письме к подруге: «Так жизненно сказала русско-мужицкая натура нашего графа в достижении его идеала»²³.

В сентябре-октябре 1882 года Кохановская вновь и вновь перечитывает «Исповедь»²⁴ и 22 октября наконец начинает свой ответ²⁵, обнаруживая, что, «чем больше вчитываешься, тем на большее возражать должно»²⁶. Простое письмо начинает перерастать в *статью* в форме письма, хотя по-прежнему предназначается еще лично Толстому. 1 декабря Кохановская сообщает Вальховской: «...ответ всё выходит пространнее; потому что если возражать с Божию помощью, то возражать обстоятельно, полно, без всяких недомолвок, чтобы святыня и истина были выражены с такою определенной ясностью, которая бы не допускала никаких лжетолкований. <...> Ответ мой имеет форму как бы очень просторного письма»²⁷. 8 декабря она сердечно благодарит Софью Штакеншнейдер за предложение снабдить ее другими неизданными антицерковными сочинениями Толстого:

«Начавши с „Исповеди“, должно уже до конца довести познание того: как человек может зашататься без веры в его, так называемых, философских положениях?»

А я бы Вас попросила еще об одном одолжении: узнать от Страхова, как от друга, московский адрес Толстого»²⁸.

Во второй половине января Соханская уже знает (от упомянутой выше С. И. Штакеншнейдер) московский адрес графа²⁹, и письмо почти

²² Там же. Л. 83–83 об. Имеется в виду С. А. Берс.

²³ Там же. Л. 83 об.

²⁴ Она увезла рукопись с собой из Каменки и еще долго не отдавала владелице. В переписке в это время обсуждаются толки о Толстом: что он болен, «что его увезли за границу», что «он ездит на поклонение к старцу-молокану» (письмо к Штакеншнейдер от 21 сентября 1882 г.; ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. № 2175. Л. 2). Ср. в письме к Вальховской от 17 сентября: «Ваше известие о Льве Толстом привело меня в нравственный ужас. <...> Лев Толстой у Молокан ищет знания и света жизни!..» (РА. С. 129).

²⁵ Пономарев Ст. Опись бумаг, оставшихся после Н. С. Соханской (Кохановской) // Русское обозрение. 1898. Янв. С. 289.

²⁶ Письмо к Вальховской от 30 октября 1882 г.; РА. С. 129.

²⁷ Там же. С. 133.

²⁸ ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. № 2174. Л. 1 об. – 2.

²⁹ Там же. № 2170. Л. 1. Из январского письма Штакеншнейдер Соханская узнала, что в столице «есть желающие *Ответа* графу Толстому» (Там же. Л. 2).

готово, но вместе с адресом был получен декабрьский номер «Нового времени» со статьей В. П. Буренина³⁰, в которой, как показалось писательнице, Толстой был назван «учителем Церкви» (как в 1867 году Ю. Ф. Самарин назвал Хомякова в предисловии к тому его богословских сочинений); позднее она еще менее точно припомнит текст, говоря, что Буренин произвел графа в «Отцы Церкви»³¹. Дело было не совсем так, но все же Кохановская верно поняла пафос нововременского критика. «Исповедь» в статье чрезмерно превозносилась, а Толстой был назван не писателем, но «учителем» (для вящего акцентирования слово было заключено в кавычки). Определение же «учитель Церкви» не прозвучало, конечно, просто по цензурным условиям, но как бы «просвечивало» за текстом. Поскольку статья Буренина практически неизвестна современному читателю, приведем из нее большой фрагмент, делающий понятным возмущение Кохановской:

«...у нас до сих пор даже величайшие наши таланты встречают препятствия к опубликованию таких трудов, которые могли бы иметь глубокое, нравственно-возрождающее влияние на русское общество. Так, например, в настоящее время в среде немногочисленных читателей обращается замечательный рукописный труд Л. Н. Толстого религиозного характера. Труд этот без всякого сомнения — плод самой глубокой мысли и в то же время плод самого глубокого религиозного одушевления. Этот труд не только умственный, но в то же самое время и душевный подвиг знаменитого писателя. По искренности мысли и искренности веры, по великой жажде правды, труд Л. Н. Толстого, в наше время всяческой лжи, всяческого притворства, всяческой боязни искренности, представляет нечто феноменальное, нечто такое, что ставит его автора уже не в ряду писателей, а в ряду „учителей“. И что же? Этот замечательный труд великого писателя должен оставаться в рукописи, не может быть напечатан. Почему? Потому что автор резко и прямо становится в противоречие с условным, формальным пониманием христианского учения, обнаруживает на это учение взгляд, чуждый схоластики и имеющий в виду не внешнюю только истину, а внутреннюю. Разумеется, теперешняя и духовная и светская цензуры, оставаясь в пределах, указанных

³⁰ Буренин В. Нечто // Новое время. 1882. 17 дек. № 2445. С. 2–3 (собственно о Толстом речь идет в главке IV, на с. 3).

³¹ Кохановская Н. Несколько слов «Новому времени» // Гражданин. 1884. 27 мая. № 23. С. 10.

им законом, не могут разрешить труда Л. Н. Толстого. Но вот, однако же, в чем вопрос: должны ли существовать цензурные правила для таких огромных литературных дарований, как Л. Н. Толстой? Подгибать подобные дарования под общий цензурный уровень не следует уже потому одному, что их произведения и в рукописи отыщут себе путь в обществе и таким образом обойдут преграду цензуры. <...> для гениального писателя и мыслителя не должны существовать законы, установленные для заурядных, для средних умов, для заурядных и средних дарований. <...> А что Л. Н. Толстой один из самых крупных гениев настоящего времени не только у нас, но и в целом мире — это несомненно. <...> Пусть даже с формальной точки зрения последние труды Л. Н. Толстого (сделавшиеся известными по рукописным копиям) окажутся религиозными заблуждениями: и тогда нечего бояться их оглашения и возможно широкого распространения в обществе. Да, нечего бояться, потому что даже заблуждения глубокого и искреннего ума, великой души, ищущей правды и света истины, не могут принести вреда, а, напротив, всегда оказываются поучительными, всегда имеют результатом благотворное влияние на общество. <...> Духовные особы кричат: помилуйте, это ересь. Цензура не пропускает не только религиозные толкования, сделанные знаменитым писателем, но даже его глубоко-поучительную исповедь о том, как он дошел до сознания, что „в христианском учении заключается истина“. Тщетно журнал „Русская Мысль“ старался в прошлом году „провести“ эту замечательную исповедь: никакие хлопоты и усилия, никакие предисловия и оговорки не помогли. Исповедь так и осталась под спудом. <...> нельзя не пожалеть о том что в иное время всякое лживое фразерство имеет свободный обиход, а искреннее слово гениального человека не может дойти до слуха общественной массы...»

Реакция на эту пламенную апологию³² внесла новый пафос в письмо Кохановской Толстому, работа над которым вскоре и была

³² Ср. в письме к Погодиной от 18 апреля 1883 года: «В нашей умственной общественной среде совершаются такие непостижимые недомыслия, что перед ними оставаясь в недоумении и вспоминаешь слова священного писания: „называя себя мудрыми, обезумели“» (Письма Н. С. Кохановской к С. И. Погодиной // Русский вестник. 1889. Окт. С. 367). Ср. в письме к Аксаковым от 23 февраля 1883 г.: «А еще отзыв об Исповеди в Новом Времени — читали ли Вы это удручающее душу *празднословие*? И знаете ли, как в ней назван Толстой? <...> *учителем Церкви!* И это человека-то, который прямо выражает, что о Боге, Спасителе мира и тому подобном *вздоре* и говорить недостойно его

окончена (к 3 февраля³³). Но писательница еще немного помедлила с отправкой — до Первой седмицы Великого поста³⁴. Посылка была заказной и должна была, в случае неполучения, вернуться к отправителю³⁵. Этого не произошло, значит, тетрадь была доставлена адресату. Но не было и никакого ответа. (Мало того, Толстой ни с кем и словом не обмолвился о полученном, восприняв Кохановскую как москву, что лает на слона.)

Кохановская начинает знакомить со своим возражением на «Исповедь» Аксаковых, Чаевых, С. И. Погодину, Шамониных, Плетневу³⁶ и других своих друзей в Москве и Петербурге. Аксаковым, например, она посылает один из списков раньше всех — 10 марта, сопроводив такой надписью: «Примите и посудите, и скажите... Нельзя было стерпеть и оставить без возражения самохвальную разноголосицу философии чуть не из графских пеленок, зашатавшуюся и замотавшуюся в безверии даже до жидовства»³⁷. Один из списков она посылает в редакцию «Нового времени» Буренину с коротким сопроводительным письмом, спрашивая — действительно ли он считает возможным назвать Толстого «учителем Церкви». И этот жест также остается без ответа (Буренин печатно ответит Кохановской только после опубликования ее статьи).

В мае 1883 года Соханская раздумывала, не написать ли Толстому еще раз — сказать, что она нигде не может достать его «Толкований на Евангелие» (это и было так в действительности), попросить их у него самого и тем самым вызвать на разговор и об «Исповеди»³⁸. По-видимому, этот замысел не был исполнен. Раздобыв и прочтя «Толкования...», она

философии! Хорош учитель, назидаящий Церковь! да хорош и восхвалитель...» (Русское обозрение. 1897. Дек. С. 477).

³³ В этот день Кохановская сообщила о завершении работы своей внучатой племяннице М. О. Мозговой (РГБ. Ф. 230. К. 10802. Ед. хр. 23. Л. 9 об.). См. также письмо к Вальховской от 5 февраля 1883 г. (РА. С. 135).

³⁴ См. письма к Вальховской от 5 марта (РА. С. 136) и Плетневой — от 13 июня 1883 г. (ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 164 Л. 94).

³⁵ Об этом мы узнаем из открытого письма «Несколько слов „Новому Времени“».

³⁶ Она должна была попросить список у Аксаковых, позже для нее начали делать особый список, но по нерадению переписчика (В. Н. Шамонина) он не был выполнен, так что Плетневой пришлось дожидаться появления статьи в печати.

³⁷ Русское обозрение. 1898. Янв. С. 5. Упоминание «жидовства» здесь отсылает, видимо, к «садукейскому» неверию Толстого в воскресение Христово (ср. в статье: «...злополучная свобода: из сына Св. Церкви стать жидовствующим недоверком!» — Там же. С. 37), а также к его увлечению молоканством.

³⁸ Письмо к С. И. Штакеншнейдер от 19 мая 1883 г.; ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. № 2172. Л. 1 об.

начнет было 9 июня писать возражение и на них, но сразу же на первой странице и остановится³⁹.

Летом она подумывает, что хорошо бы напечатать оба текста («Исповедь» и свое письмо) рядом — хоть в той же либеральной «Русской мысли», но это едва ли допустит цензура («да едва ли и сам граф Толстой дозволит это печатное сопоставление его Исповеди с моим Ответом», пишет Кохановская вдове М. П. Погодина 27 июня⁴⁰). В августе 1883 года Надежда Степановна узнаёт от харьковских врачей о том, что больна тяжелым и уже сильно запущенным онкологическим заболеванием. Она едет в Москву для консультаций с врачом-гомеопатом, но надеется и на встречу с Толстым: «Ехала я в Москву с надеждою именно письмом или лично вызвать графа на то, чтобы он, так или иначе, признал или отринул то мое, что ему было писано»⁴¹. Но и это не состоялось. Вдобавок к основному недугу писательница, приехав в первопрестольную, вскоре заболела тифом. Получив облегчение после молебна в Черниговском Гефсиманском скиту⁴², она уезжает домой — готовится к кончине (по пути, в Харькове, она сама заказывает крест на могилу). Именно сознание близости смертного часа и подвигает ее к решимости опубликовать оставшееся без ответа письмо.

В начале января она переписывает набело свое возражение и посылает в Петербург в газету «Гражданин»⁴³, сопроводив посылку просьбой начать публикацию не раньше 1-й седмицы Великого поста, так, чтобы завершился годовой круг с момента отправки письма Толстому. Выбор места (в «Гражданине» Кохановская до этого публиковалась только один раз, в самый первый год выхода этого издания) может показаться странным (газета кн. Мещерского была мало читаемой и ее трудно было достать даже в Москве, редактор пользовался дурной репутацией и т. д.⁴⁴), но имел очень простое объяснение, которое и дала Кохановская в цити-

³⁹ Пономарев Ст. Опись бумаг, оставшихся после Н. С. Соханской (Кохановской)... С. 290.

⁴⁰ ИРЛИ. № 172. Л. 14 об.

⁴¹ Из письма к Плетневой от 28 февраля 1884 г.; ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 164. Л. 127 об.

⁴² Об этом И. С. Аксаков позднее, 27 декабря 1884 г., рассказал в письме к своей сестре Софье (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 18. Ед. хр. 68. Л. 74–74 об.). Благодарю Д. А. Бадаляна, указавшего мне этот источник.

⁴³ Письмо Вальховской от 13 января 1884 г. (РА. С. 139).

⁴⁴ К. Н. Леонтьев, упомянутый в начале данной статьи, хотя и печатался в «Гражданине» часто, но говорил, что делает это «за неимением лучшего» (см.: Фетисенко О. Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб., 2012. С. 325–339).

рованном выше письме к Плетневой: «...как Гражданин есть единственное издание, в котором Господь Бог не отрицается и о духовном предмете можно говорить с духовным достоинством — то я и послала свою, говорящую о духовном, статью в Гражданин...»⁴⁵.

Выделим основные тезисы статьи, цитировать которую будем по журнальной републикации⁴⁶ как более доступному источнику.

1. Толстой — соблазнитель малых сих⁴⁷. Его «Исповедь» привлекает сердца заманчивостью запретного: «...это тот страшный камень соблазна, которому лучше было обвеситься на вашей шее и потопить вас в пучине моря⁴⁸, нежели ей, этой „Исповеди“ в списках, в переписках — как запретный плод, доставаемый с алчностью, читаемой и перечитываемой — обезверить, обезбожить столько мальчиков, девочек-гимназисток и подвести их под ту произвольную виселицу, под которою вы сами ставали не раз⁴⁹ <...>. Вы человек, по высоте ваших философских умозрений обязанный отрешиться от своей самости <...> какую жертву вы приносите, наш знаменитый Лев Толстой, молодежи, боготворящей вас, и всему обществу, потерявшему родной, исторический след, обезличенному, и которое мятется в ужасе от поражающих его бессмысленных убийств и страшного царубийства? — Вы в это сено и солому — в обрывки чужих, недомысленных мыслей, предвзятых, завиральных идей — вы бросаете вашу зажженную головню философского безверия и указываете на самоубийство, как на прямой и логический вывод! Ведь этак можно сказать, граф, не в басне, а в истину, „что сочинитель хуже разбойника“⁵⁰: тот убивает тело, а вы сколько душ убили⁵¹, совратили их, лишив живоносного света веры!»⁵².

⁴⁵ ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 164. Л. 128.

⁴⁶ Русское обозрение. 1898. Янв. С. 5–57.

⁴⁷ Именно этот момент и утвердил Кохановскую в решении все-таки возражать Толстому гласно. Да, «в литературных приличиях не водится отвечать на *рукопись* недозволенную печатным обличением» (письмо к С. И. Погодиной от 27 июня 1883 г.; ИРЛИ. № 172. Л. 14 об.), но поскольку рукопись эта наводнила всю Россию и действует разрушительно, промолчать о ней нельзя, это будет грехом.

⁴⁸ Евангельская реминисценция (Мф 18:6).

⁴⁹ Отсылка к первым главам «Исповеди», в которых Толстой признается, что рано пришел к мыслям о самоубийстве как единственном исходе из обуревавших его противоречий.

⁵⁰ Подразумевается басня И. А. Крылова «Сочинитель и разбойник» (1817).

⁵¹ Ср.: Мф 10:28.

⁵² Русское обозрение. 1898. Янв. С. 6. Ср. в письме к Штакеншнейдер от 8 декабря 1882 г.: «Бедный граф! бедные его дети! И как бедно, значит, наше общество духовными силами, когда люди, запечатленные талантом, уходят из него в безверие <...> И тяжело,

2. Философия Толстого — «обьюродевшая мудрость старой языческой философии...»⁵³

3. Толстой «не заметил», что христианство изменило «лицо мира»⁵⁴. Он лишен «живого, радостного» «чувства веры»⁵⁵. Он желал приобрести к «народной вере», но тут ему не хватило смирения.

4. Основная ошибка Толстого: он пожелал «понять веру» разумом, а это — «логическая бессмыслица»⁵⁶. Вера приобретается только смиренным ее исканием и покаянием: «Кто не входит этою, однажды указанною и до скончания мира отворенною дверью, тот есть волк, а не овца Христова»⁵⁷.

В последней части статьи Кохановская прибегает к неожиданной аргументации: в качестве апологии православной веры приводит целый ряд стихотворений Пушкина, Лермонтова, Хомякова и Тютчева, считая, по-видимому, поэтическое слово решающим доводом для художника, каким оставался Толстой даже и в своей «Исповеди».

Сделав небольшое отступление, скажем, что Кохановская в русской традиции является, быть может, первым «богословом культуры». Ее статья «Степной цветок на могилу Пушкина», отвергнутая в 1857 году «Библиотекой для чтения» и напечатанная позднее в «Русской беседе»⁵⁸, впервые рассматривает поэзию Пушкина в свете религиозной

и скорбно — и стыдно за всех нас верующих!.. Возврат труден и возможен только Божию милосердию; но невозможно и не должно нам всё оставлять только Господу Богу, а самим молчать, когда безверие кричит на всех перекрестках нашего общественного положения, заражая умы и растравляя волю на самоубийство» (ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. № 2174. Л. 2).

⁵³ Русское обозрение. 1898. Янв. С. 7 (ср.: Рим 1:22). Кохановскую особенно возмутили слова Толстого о догматах и обрядах: «...весь этот вздор»: «...назвать *вздором* то, что они называют *Святое-Святых*, и еще величаться своим чистым философским разумом!... Не льститеся!» (Там же). В письме к Аксаковым от 23 февраля 1883 г. Кохановская восклицала: «это ли высокий, философски развитый ум, когда он так дрябл, так детски непоследователен в выводах своего мышления; исповедует одно, а отдает себя другому и, с напыщенной гордостью до смешного, не устает повторять: „мы с Соломоном...“» (Там же. 1897. Дек. С. 476).

⁵⁴ Русское обозрение. 1898. Янв. С. 10. (Кохановская, в отличие от своего и Толстого младшего современника В.В. Розанова, полагавшего, что «во Христе мир прогорк», считала, разумеется, что с христианством «лицо мира», напротив, *процвело* радостью и светом.)

⁵⁵ Ср.: Там же. С. 18.

⁵⁶ Там же. С. 23.

⁵⁷ Там же. С. 23–24. Аллюзия на Ин 10:1.

⁵⁸ Русская беседа. 1859. Кн. V. Отд. III. С. 10–84.

мысли и духовного пути поэта. Споря с Дружининым, отказавшимся печатать статью как «не идущую к делу» (якобы приписывающую поэту то, от чего он был далек), Кохановская ставила вопросы, опережающие свое время:

«Как вы думаете, Александр Васильевич, идет ли к делу или оно вовсе не идет: проследить этот вопрос о религиозности в нашей литературе? Как он открывается в представителе ее, Пушкине, и что из того может следовать? А очень может следовать то, что, коснувшись этого вопроса, наша литература войдет в соприкосновение с глубокими, жизненными основами народного характера и оттого сама получит глубину, которой у нее нет, — и на этой-то глубине встретит те положительно прекрасные идеалы, которых тоже, к сожалению, в нашей литературе нет»⁵⁹.

С Толстым Кохановская говорит с той же позиции, какой придерживалась в статье о Пушкине (подлинный поэт обладает «серафимским посвящением», служение художника имеет религиозную природу и т. д.). После появления открытого письма к Толстому в печати поднялась небольшая буря. Кохановская, как писал чуть позже Д. В. Аверкиев, «удостоилась ... строгого внушения»⁶⁰. Аверкиев подразумевал высмеивание в «Новом времени» — в рубрике «Среди газет и журналов», а потом и в очередном фельетоне Буренина, о котором скажем чуть ниже. Робкая защита писательницы прозвучала в «Церковном вестнике»⁶¹, а уже в сентябре появилась ироничная статья Н. С. Лескова⁶². Уже

⁵⁹ Письма к А. В. Дружинину. С. 293 (письмо от 22 октября 1857 г.).

⁶⁰ Аверкиев Д. В. Дневник писателя за 1886 год. СПб., 1886. С. 53.

⁶¹ В регулярном обзоре «Мнения печати по церковным вопросам» обращалось внимание на «замечательные, наводящие на многие размышления, статьи г. Кохановской под заглавием „Письмо к графу Толстому по поводу его исповеди“»: «Эти статьи можно рекомендовать особенному вниманию в особенности светского интеллигентного мира, среди которого „Исповедь“ гр. Толстого „<...> обращается в списках“. Г. Кохановская дала себе труд обличить знаменитого романиста в крайнем религиозном невежестве и гордости ума и выполнила эту задачу, нужно признать, с большим умением и с большим запасом религиозных знаний» (Церковный вестник. 1884. 10 марта. № 10. С. 2). Автор обзора задается вопросом: «...что было бы, если бы человек вроде гр. Толстого попал в руки умного католического патера (не говоря уже об иезуите) или даже кого-либо из немногочисленных у нас пока лиц приходского духовенства, умеющих совместить истинное смирение и простоту веры со властью и глубокою опытностью пастыря?» (Там же. С. 3). И в конце подчеркивает необходимость нового миссионерства: «В настоящее время немало делается для религиозного просвещения народа; не пора ли что-нибудь сделать в этом отношении для высших образованных классов?» (Там же).

⁶² Новости и Биржевая газета. 1884. 13 сент.

после смерти Кохановской с полным сочувствия к обиженному «нетолерантной» писательницей Льву Николаевичу обратилась с открытым письмом монахиня и поэтесса Мария (Шахова)⁶³. Рассмотрение всей этой полемической цепочки может стать предметом отдельного исследования и не входит в задачи нашей статьи.

Аксаков в конце 1884 года в письме Н. Н. Страхову (напомним: другу Толстого) заметил, что Кохановская возражала Толстому «исключительно с точки зрения положительной веры, просто протестовала во имя веры громадного большинства русского церковно-православного народа»⁶⁴. Слова справедливые, но возникает вопрос: почему же тогда Аксаков не выступил печатно в защиту своей давней знакомой и постоянной сотрудницы, когда в «Новом времени» «пронесли имя ее яко зло»? Сама Кохановская сочла нужным ответить «Новому времени», пояснить, что ее подвигло возразить Толстому, и рассказать всю историю с не получившими ответа письмами Толстому и Буренину. «...с помощью Божией, я молчать не буду, — пишет она Вальховской, — и, начавши говорить, выскажу всё, что должно сказать по чувству души и по святой истине»⁶⁵. Ее ответ («...стоя над раскрытой могилой, я могу говорить только то, что верующая душа обязана сказать...») вышел в «Гражданине»⁶⁶ и через несколько дней вызвал статью Буренина, где было сказано, что Кохановская критикует Толстого «с узкой формальной точки зрения» «книжников и фарисеев» и что ее ответ никому, кроме нее самой, не интересен⁶⁷. Последний «аргумент» Кохановская, в принципе, предвидела. В одном из писем к Вальховской (от 3 января 1883 года) она заметила: «Я сама того мнения, что вообще для неверующих мой ответ не слишком годится...»⁶⁸; но ведь к Толстому она обращалась, думается, все-таки как к *верующему*, хотя и *зablудшему*.

⁶³ М. Мария [Мария (Шахова), мон.] Открытое письмо графу Льву Николаевичу Толстому // Новороссийский телеграф. 1885. 29 дек. № 3239. С. 2. О монахини Марии см.: Автобиографический очерк писательницы Елизаветы Шаховой — монахини Марии (1822–1899) // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 344–365.

⁶⁴ И. С. Аксаков — Н. Н. Страхов. Переписка. Оттава, 2007. С. 117.

⁶⁵ Письмо от 30 марта 1884 г. (РА. С. 140).

⁶⁶ Кохановская. Несколько слов «Новому времени» // Гражданин. 1884. 27 мая. № 23. С. 9.

⁶⁷ Буренин В. П. Критические очерки. Напрасные тревоги г-жи Кохановской // Новое время. 1884. 1 июня. № 2965. С. 2–3.

⁶⁸ РА. С. 134.

Поступок Кохановской остался непонятным и для большинства ее современников⁶⁹, и для ее первого биографа — Н. Н. Платоновой (между прочим, дочери одной из ближайших подруг писательницы, Н. Д. Шамониной), жены известного историка С. Ф. Платонова. Она указывала, что бессмысленным было «опровергать рассуждения Толстого доводами, опирающимися на веру в истинность ортодоксального учения, т. е. на то, что в самом корне своем подвергалось сомнению и критике со стороны Толстого»⁷⁰. Ответить на это можно было бы следующим образом: Кохановская писала не полемический памфлет, не апологетический трактат, а письмо к брату. Еще в самом начале работы она рассказывала приятельнице: «...я желала бы этому придать не характер литературного возражения, а чтобы мое писание осталось тем, что оно есть, т. е. скорбным, задушевным словом, с теми порывами негодования, которых нельзя было превозмочь»⁷¹. Эта же интенция присутствует и в финале письма к Толстому: «„Обратитесь и живы будете“⁷² <...> И хотя не всё здесь слова Божии, но, смею сказать, что они все от Бога, — от сердечной скорби, ревности по душе и печали о вас — написались к вам»⁷³.

«Письмо к графу Толстому...» было горячо поддержано только самыми близкими друзьями писательницы, пренебрежено адресатом и при получении, и в другой раз — после републикации в январской книжке «Русского обозрения» 1898 года, но, имея представление о душевном устройении Кохановской, можно предположить, что ей гораздо важнее было сознание, что она исполнила то, что считала своим долгом: обратилась к *брату* и попыталась предостеречь современников от «тонких, одухотворенных ядов подслащенного неверия»⁷⁴. В том же

⁶⁹ В несколько запоздавшем (1887) некрологе, написанном кем-то из ее харьковских земляков, по поводу ответа Толстому говорилось, что это выступление не могло вызвать «сочувствие или хотя бы даже интерес», но «разве только удивление» «своей удаленностью от всего житейского и современного» (Харьковский сборник. Приложение к Харьковскому календарю на 1887 г. Харьков, [1887]. С. 147).

⁷⁰ Платонова Н. Н. Кохановская (Н. С. Соханская)... С. 223.

⁷¹ РА. С. 134.

⁷² Ср.: Иез 33:11.

⁷³ Русское обозрение. 1898. Янв. С. 57.

⁷⁴ Выражение из письма к Вальховской от 17 января 1883 г. (РА. С. 134). «Подслащенное неверие» — совпадение с Леонтьевым или, возможно, отсылка к его идее «розового (сентиментального) христианства», «христианства на розовой воде» (т. е. именно подслащенного). Об этом выражении см.: Фетисенко О. Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики... С. 219–220.

письме, где есть большой фрагмент, посвященный Толстому и его рассказу «Чем люди живы», который часто воспринимали как своеобразный художественный манифест «новой веры», находим такие слова: «Всё любовь да любовь, а об вере ни слова! А любовь — союз совершенства⁷⁵; а с чем же ей *союзиться*, когда нет ни веры, ни надежды на Бога, первых двух, неразлучных от последней, богословских добродетелей; а они суть в их нераздельной совокупности: вера, надежда и любовь»⁷⁶.

Источники и литература

1. *Аверкиев Д. В.* Дневник писателя за 1886 год. СПб., 1886.
2. [Аксаков И. С.] Н. С. Соханская. [Некролог] // Русь. 1884. 15 дек. № 24. С. 12–13.
3. Аксаков И. С. Письмо к С. С. Аксаковой // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 18. Ед. хр. 68. Л. 74–74 об.
4. Аксаков И. С. — *Страхов Н. Н.* Переписка. Оттава, 2007.
5. *Буренин В. П.* Критические очерки. Напрасные тревоги г-жи Кохановской // Новое время. 1884. 1 июня. № 2965. С. 2–3.
6. *Буренин В. П.* Нечто // Новое время. 1882. 17 дек. № 2445. С. 2–3.
7. *Гиляров-Платонов Н. П.* Письмо к С. А. Юрьеву <об исповеди графа Л. Н. Толстого> (апрель 1882 г.) // Никита Петрович Гиляров-Платонов: Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии / под общ. ред. А. П. Дмитриева. СПб., 2013. С. 644–647.
8. Из писем Н. С. Соханской (Кохановской) к М. В. Вальховской [/ публ. С. И. Пономарева] // Русский архив. 1900. № 1. С. 108–140.
9. Из писем Н. С. Соханской к племяннице и ее мужу. <Подготовленные к печати С. И. Пономаревым выписки> // РГБ. Ф. 230. К. 10802. Ед. хр. 23.
10. *Кохановская [Соханская Н. С.]* Несколько слов «Новому времени» // Гражданин. 1884. 27 мая. № 22. С. 9.
11. *Кохановская [Соханская Н. С.]*. Письмо гр. Л. Н. Толстому по поводу его «Исповеди» // Гражданин. 1884. № 8–11 (то же: Русское обозрение. 1898. Янв. С. 5–57).
12. *М. Мария [Мария (Шахова), мон.]* Открытое письмо графу Льву Николаевичу Толстому // Новороссийский телеграф. 1885. 29 дек. № 3239. С. 2.
13. Мнения печати по церковным вопросам // Церковный вестник. 1883. 17 дек. № 51. С. 2–3.
14. Мнения печати по церковным вопросам // Церковный вестник. 1884. 10 марта. № 10. С. 2–3.

⁷⁵ Отсылка к словам св. ап. Павла (Кол 3:14).

⁷⁶ РА. С. 135.

15. *Остроумов М. А.* Граф Лев Николаевич Толстой. Харьков, 1887.
16. Переписка Аксаковых с Н. С. Соханской (Кохановской) // Русское обозрение. 1897. Февр.-Дек.
17. Письма к А. В. Дружинину. М., 1940.
18. Письма к Н. С. Соханской (Кохановской) М. Н. Каткова / сообщ. С. Пономарев // Русское обозрение. 1897. Февр. С. 1020–1028.
19. Письма Н. С. Кохановской к С. И. Погодиной / сообщ. А. Д. Погодин // Русский вестник. 1889. Окт. С. 358–370.
20. *Платонова Н. Н.* Кохановская (Н. С. Соханская): Биогр. очерк. СПб., 1909.
21. *Пономарев Ст.* Опись бумаг, оставшихся после Н. С. Соханской (Кохановской) // Русское обозрение. 1898. Янв. С. 277–312.
22. «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / отв. ред. Б. Ф. Егоров, А. М. Пентковский, О. Л. Фетисенко. СПб., 2011.
23. *Соханская Н. С. (Кохановская).* Письма к А. В. Плетневой // ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 162–164.
24. *Соханская Н. С. (Кохановская).* Письма к С. И. Погодиной // ИРЛИ. № 172.
25. *Соханская Н. С. (Кохановская).* Письма к С. И. Штакеншнейдер // ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. № 2170–2175.
26. *Толстой Л. Н.* Дневники и записные книжки 1858–1880 гг. // *Он же.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М., 1952. Т. 48.
27. *Толстой Л. Н.* Исповедь // *Он же.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М., 1957. Т. 23.
28. *Фетисенко О. Л.* «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб., 2012.
29. *Хитрово М. А.* По поводу одной «Исповеди» // Русь. 1885. 24 авг. № 8. С. 11.
30. *Эфрон С. К.* Н. П. Гиляров-Платонов и Л. Н. Толстой // Русский листок. 1902. 13 окт. № 281.

Ol'ga Fetisenko. An Unanswered Letter: Nadezhda Sokhanskaya (Kokhanovskaya) and Her Rejoinder to the Confession of Count Leo Tolstoy.

Nadezhda Sokhanskaya (pen name Kokhanovskaya; 1823–1884) was an author close to the circle of Slavophiles and wrote the first developed rejoinder to the Confession of Leo Tolstoy. Kokhanovskaya's rejoinder was first intended as a personal letter to the Count, and was sent to him in time for Great Lent in 1883. Kohanovskaya intended to follow the principle outlined in the Gospel and admonish the author of the Confession privately. However, when during an entire year no answer followed from Yasnaya Polyana, Kokhanovskaya published her text as an open letter in the newspaper *Grazhdanin*. In preparation for this publication, she made several copies of the letter and showed them to her friends, including the Aksakov family. The main line of argument in the letter is to reproach Tolstoy as one who scandalizes “the little ones” and to convince him using arguments not from theology, but from Russian religious poetry. When the newspaper *Novoye Vremya* came out in defence of Tolstoy, Kokhanovskaya wrote a new article, which, in turn, provoked the response of Viktor Burenin, who unequivocally ended the discussion, writing that Kokhanovskaya's arguments are of interest only to herself. In 1898, Kokhanovskaya's article was reprinted in the Neo-Slavophile journal *Russkoye Obozrenie*.

Keywords: Leo Tolstoy, Confession, religious and philosophical treatises, Nadezhda Sokhanskaya (Kokhanovskaya), Viktor Burenin, Vladimir Meschersky, controversy, Christian apologetics, Slavophilism.

Ol'ga Leonidovna Fetisenko — Doctor of Philosophical Sciences, Research Fellow at the Institute of Russian Literature (the “Pushkin House”) of the Russian Academy of Sciences (betsy98@mail.ru).